

мики довольно мала); между векторами X и Y существует достаточно слабая зависимость, так как D_x и $D_{x/y}$ отличаются на 10—15%, канонические корреляции (КК) Λ_i не превышают 0.6.

Итак, из табл. 4, 5 следует, что согласно интегральным по пространству и по времени показателям между моделями GF, HC существует более тесная зависимость при воспроизведении термического режима, модель MP несколько отличается от них, корреляция между моделями не превышает 0.5÷0.6 для аддитивной составляющей межгодовой изменчивости и 0.4 для модуляционной составляющей.

Выводы

1. Анализ моделей и сценариев изменения климата требует использования широкого арсенала методов математической статистики системы связанных пространственно-временных полей.

2. Сопоставленные модели изменения климата при сценарии увеличения концентрации углекислого газа и сульфатного аэрозоля приводят к принципиально близким тенденциям, хотя и различаются по параметрам годовой ритмики и межгодовой изменчивости.

3. Основные различия сценариев и результатов их моделирования проявляются в виде, знаке и величине тренда аддитивной и модуляционной составляющих межгодовой изменчивости, а также в параметрах годовой ритмики.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 02-05-64442.

Список литературы

- [1] Алексеев Г. В., Иванов Н. Е., Рожков В. А. Закономерности годовой ритмики и межгодовой изменчивости температуры воздуха в высоких и умеренных широтах северного полушария // Изв. РГО. 1998. Т. 130. Вып. 3. С. 34—41.
- [2] Боков В. Н., Бухановский А. В., Иванов Н. Е., Клеванцов Ю. П., Лагун В. Е., Макарова А. В., Рожков В. А. Пространственно-временная изменчивость полей атмосферного давления и скорости ветра // Тез. докл. науч. конф. по результатам исследований в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения природной среды в государствах — участниках СНГ, посвященной 10-летию образования Межгосударственного совета по гидрометеорологии. Санкт-Петербург, 23—26 апреля 2002 г. Секция 3. Изменения климата и природной среды и влияние этих изменений на экономику и население. СПб., 2002. С. 30—33.
- [3] Иванов Н. Е., Рожков В. А. Компонентное описание ритмики гидрометеорологических процессов. Вестник СПбГУ, 1996, Сер. 7. Вып. 2 (№ 14). С. 66—79.
- [4] Кондратьев К. Я. Приоритеты глобальной климатологии (к итогам Всемирной конференции по изменению климата. Москва, 29 сентября—3 октября 2003 г.) // Изв. РГО. 2004. Т. 136. Вып. 2. С. 1—25.
- [5] Макарова А. В., Рожков В. А. Статистическая зависимость многомерных гидрометеорологических величин и их экстремумов // Изв. РГО. 2004. Т. 136. Вып. 2. С. 43—54.

Санкт-Петербург

Поступило в редакцию
24 февраля 2004 г.

Изв. РГО. 2004. Т. 136. Вып. 5

© В. Л. МАРТЫНОВ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 20-Х ГОДОВ

«Первая волна» русской эмиграции XX в., связанная с революцией 1917 г. и гражданской войной, была не только самой мощной, но и самой разнообразной по своему составу. В числе эмигрантов было множество ученых, которые не видели для себя возможности остаться в Советской России. Труды многих из них известны очень ши-

роко, имена других смьты или почти смьты «рекой времени». Нет ничего удивительного в том, что эмигрировавшие из России ученые пристальное внимание уделяли проблемам развития покинутой ими Родины, ее внутренней и внешней политики. Кто-то откровенно радовался неудачам правительства большевиков, кого-то эти неудачи огорчали, но представители всех направлений эмигрантской науки имели возможность публиковаться в многочисленных русских изданиях, выходивших во всех центрах русской эмиграции. Более того, в эмиграции на русский язык переводились и издавались труды иностранных ученых и политиков, посвященные проблемам развития мира и России. Эти труды оказывали большое влияние на умонастроения русской эмиграции, поэтому их также можно отнести к научной литературе русского зарубежья.

До тех пор пока «железный занавес», отделивший нашу страну от остального мира, не опустился окончательно в начале 30-х годов, эти издания, как собственно эмигрантские, так и переводные, вполне официально поступали в библиотеки Советского Союза. Но с усилением тоталитаризма труды эмигрантов стали либо изыматься из советских библиотек, либо передаваться в созданные при главных библиотеках страны фонды «спецхрана». И таким образом на многие десятилетия они были изъяты из научного оборота в нашей стране — ссылки на книги из спецхрана допускались только в закрытых публикациях.

В 90-е годы большая часть предвоенной литературы из «спецхранов» была открыта. С сожалением следует отметить, что пристального внимания экономикогеографов эти труды не привлекли, и напрасно. Многие из того, что в них содержится, было бы чрезвычайно полезно для понимания основных тенденций развития нашей страны в XX в. и даже определения перспектив ее развития в XXI в. Именно с этой целью в первой половине 90-х годов большое внимание было уделено геополитическим построениям эмигрантской науки, а именно — концепции евразийства, но интерес к ним быстро пошел на спад.

Сразу же следует отметить, что обнаружить экономико-географические исследования «в чистом виде» в эмигрантской литературе 20-х годов весьма затруднительно (следует уточнить, что под экономико-географическими исследованиями автор понимает те, которые относятся к «сфере ведения» современной социально-экономической географии). Можно выявить лишь экономико-географические «сюжеты» в исторических, политических и экономических исследованиях ученых-эмигрантов.

Одной из главных проблем, которую исследовала эмигрантская историческая наука, была проблема поражения «белого движения» в гражданской войне. Сейчас такие исследования имеют сугубо историческое значение, но тогда они были весьма злободневными. Крайне любопытна в этом отношении брошюра В. Львова «Советская власть в борьбе за русскую государственность» [7], вышедшая в Берлине на русском языке в 1921 г. Определяя перспективы дальнейшей трансформации русской революции, Львов писал, что «Революция, оторвавшись от идеи, войдет в русло исторической необходимости, подчиняясь цепи естественных законов, управляющих природой страны, в которой революция произошла» ([7], с. 3). Одной из важнейших причин поражения «белого движения» (в данном случае — А. В. Колчака) автор видит в крайнем пренебрежении им этнических, религиозных и вообще региональных особенностей России: «В Омск приехала депутация от башкир хлопотать об организации новых башкирских полков. Председатель Омского правительства ... ответил ей угрозами. Башкиры уехали и перешли на сторону Советской власти. ... Мусульмане перешли на сторону Советской власти. Наконец, дошла очередь и до казачества. И оно было объявлено неблагонадежным. ... Казачество заволновалось и отказалось слушаться приказа верховного командования» ([7], с. 9). Деятельности белых в отношении «собрания России» В. Львов противопоставляет работу правительства большевиков: «Но на самом деле в отношении России к чему сводится работа Советской власти? Она, как магнит, притягивает к себе все отдельные народности России, спаивая их в единое русское государство» ([7], с. 11).

Но такая точка зрения разделялась в эмиграции далеко не всеми. Многие эмигранты считали большевиков разрушителями России и видели причину поражения

белых в поддержке правительства большевиков государствами Антанты, и в особенности — Великобританией. Такие утверждения содержатся во многих эмигрантских трудах. В качестве примера можно привести книгу Г. Ландау «Сумерки Европы» [6], изданную на русском языке в Берлине в 1923 г. Г. Ландау рассматривает геополитическую ситуацию в современном ему мире и приходит к весьма любопытным выводам, касающимся мира в целом и России в частности: «Вне Европы создались сильные державы, Япония и Северная Америка, затем — сильная Россия, не нуждающаяся в заморских владениях, а уже одним своим продолжением создающая грандиозные колонии... К концу XIX в. Россия завоеваниями, построением железных дорог, ростом культуры стала и азиатской державой» ([6], с. 35). И далее: «Антанта победила в сложной игре, объединяющей охранительные силы Англии с наступательными тенденциями Америки и Японии» ([6], с. 129). Но в отношении России позиция Великобритании представлялась автору следующей: «Англия, заинтересованная в хозяйственном восстановлении России, нисколько не заинтересована в восстановлении государственном, даже в... по возможности окончательном государственном упадке. В этом несомненно заключалась одна из причин длительной и упорной, хотя первоначально и скрытой, поддержки англичанами большевиков как наилучших разрушителей русской государственности. Англичане уже с середины XIX в. видели в России врага, подлежащего уничтожению: пуше других Россия была или казалась опасной Англии... Благодаря этому Англия и воспользовалась случаем уничтожить одновременно с Германией... Россию» ([6], с. 287—288). Рассматривая британские гарантии подобного развития событий, Ландау утверждает, что «Частью это гарантии внутреннего характера — возможно, более длительное господство большевизма, частью гарантии международного характера — именно отчленение от России и стремление поставить от себя в зависимость части отторгнутые, частью они заключаются в стремлении захватить в сферу своего влияния узловые точки для воздействия и контроля» ([6], с. 288).

Любопытно, что политика Великобритании в отношении Советской России 20-х годов обнаруживает очень большое сходство с политикой США в отношении СССР и Российской Федерации в конце 80-х—90-х годов. В обоих случаях государства, бывшие противниками нашей страны на протяжении длительного времени и стремящиеся сохранить свое клонящееся к закату мировое господство, выступают в качестве сторонников новой государственной власти, стремятся к контролю над экономикой России и в то же время — ослаблению русского государства и способствуют расчленению страны. Трудно сказать, каких успехов добьются американцы, но «русская политика» Великобритании в 20-е годы закончилась провалом.

Более того, «новая власть» России в обоих случаях стремилась добиться расположения недавних противников за счет передачи им контроля над добывающими отраслями. Свидетельства тому, что такие попытки предпринимались в 20-е годы, содержатся в трудах ученых-эмигрантов. В статье Л. Неманова «От Раппало до Берлинского договора», опубликованной в VII выпуске выходившего в Праге «Русского экономического сборника» [8], утверждается следующее: «Советской власти... нужны были деньги. Выход попытались найти в предоставлении за сумму в 500 миллионов флоринов тресту Шелл-Рояль-Дюйтш (так в тексте. — В. М.) концессии на добычу и вывоз нефти из России. По проекту договора трест получал концессию на 75% всей добычи нефти в России, монополию вывоза нефти из России, постройку новых нефтепроводов Баку—Батум и Грозный—Новороссийск... Немедленно последовало вмешательство Соединенных Штатов. Договор так и остался неподписанным» ([8], с. 82). Если верить этому утверждению, а не верить нет никаких оснований, то правительство большевиков предполагало передать под контроль Великобритании практически всю нефтедобывающую промышленность России. Перед этим планом меркнет все, что сделано в области «продажи Родины» в 90-е годы — передать иностранной компании всю нефть страны вряд ли кто-либо отважится. Особый интерес данной ситуации придает то обстоятельство, что сделка была соведена благодаря вмешательству Соединенных Штатов — слишком большие преимуще-

щества в этом случае получала Великобритания. В советских источниках обнаружить упоминание об этом договоре не удалось, но крайне интересно то, что в первой половине 20-х годов освоение новых природных ресурсов в Советской России безо всякого стеснения объяснялось интересами Великобритании. Один из «вождей» Советской России Л. Б. Каменев говорил в 1924 г.: «У нас есть лес, который необходим в первую очередь Англии, которая решила строить ежегодно... 100 тыс. домов, в то время как в Москве мы этого не имеем» ([5], с. 32).

Геополитическая ситуация тех лет весьма любопытна. Насколько можно судить по трудам русских ученых-эмигрантов, у Советской России в первой половине 20-х годов в континентальной Европе было два союзника — Германия и Италия, причем Италия фашистская. «В Италии Муссолини ознаменовал свой приход к власти немедленным признанием Советской власти *de jure* и заключением с Москвой торгового договора» ([8], с. 94). Отношения Советской России и фашистской Италии в 20-е годы были дружественными, но современник отмечал: «Как бы не заигрывали Советы с Муссолини... и как бы Муссолини не подчеркивал свое благожелательное отношение к Советской России, Италия совершенно бессильна помочь чем-либо Советской России политически и экономически» ([9], с. 51). В Германии «К концу 1920 года огромное большинство политиков было на стороне восточной ориентации... Германские промышленники стали бояться, что Англия опередит Германию в завоевании русского рынка» ([8], с. 96—97). Но резкое снижение уровня отношений между Москвой и Берлином связано с французской оккупацией Рура в 1923 г. «Москва очень решительно толкала немцев на пассивное сопротивление и делала вид, будто готова помогать им активно... Через несколько дней после занятия Рура в Берлин прибыла огромная советская военная миссия. Прибытие этой миссии... было истолковано как начало координированных действий против Франции и ее союзницы Польши» ([8], с. 31—32). Но при этом правительство Советской России вело в отношении Германии двойную игру, с одной стороны, обещая помощь Германии, а с другой — содействуя ее противникам. «В феврале 1923 г. литовское правительство при скрытой, но решительной поддержке Москвы захватило Мемельскую область» ([8], с. 32). «Весна и лето 1923 г. прошли для Германии в напрасном ожидании советской помощи» ([8], с. 33).

Нетрудно заметить, что те страны, которые, по мнению ученых-эмигрантов, были союзниками Советской России в континентальной Европе, в 30-е годы стали противниками, а во второй мировой войне — врагами Советского Союза. Объяснить такое развитие событий непросто, но одной из причин разрыва с СССР для Германии явились обманутые ожидания советской помощи в момент одного из величайших национальных унижений — событий 1923 г. «В самый тяжелый для Германии момент Раппальский договор никаких результатов не дал... Перемены в германской политике наметились уже к осени 1923 г., когда выяснилась вся безнадежность пассивного сопротивления и вся тщетность ожидания какой-либо помощи со стороны России» ([8], с. 34—35). Отсутствие советской помощи объясняется тем, что «Вся рурская трагедия рассматривалась большевиками как этап на пути к социальной революции в Германии» ([8], с. 33).

Здесь также можно отметить сходство событий 20-х и 90-х годов — если в 20-е годы советское руководство предало Германию ради идеалов «мировой революции», то в 90-е годы российские руководители фактически повторили то же самое с Югославией ради идеалов «демократии». Власти Югославии 90-х годов, так же как и руководители Веймарской республики 20-х годов, после напрасного ожидания помощи с Востока повернулись к Западу. «Социальная революция» в Германии, на которую в 1923 г. возлагались большие надежды, действительно произошла в 1933 г., когда к власти в Германии пришла Национал-социалистическая рабочая партия под руководством Адольфа Гитлера. Дальнейшее общеизвестно. Сербия начала XXI в. — не Германия начала 30-х годов, но сходство настораживает. Во всяком случае, итоги парламентских выборов в Сербии в декабре 2003 г. дают основания для утверждений об усилении националистических настроений.

Проблемы трансформации экономической структуры мира начала XX в., изменения системы территориального разделения труда и роли в ней России также весьма активно рассматривались в эмигрантской литературе. Крайне любопытным представляется то, что многие утверждения ученых-эмигрантов сохраняют свою актуальность и сейчас. Еще в 1925 г. С. Прокопович писал, характеризуя особенности экономического развития современного ему мира: «С начала XX в. появились признаки, что ... рост материального благосостояния вовсе не так уж непрерывен и неизменен. Рост народного богатства... может уступить свое место явлениям обратного порядка — экономическому застою или даже упадку» ([10], с. 35). Сравнительный анализ экономического развития ведущих стран мира позволяет С. Прокоповичу утверждать, что «Данные о высоте народного дохода в 1895—1913 гг. приводят нас к совершенно неожиданному выводу: все развитие производительных сил Англии за эти годы было едва достаточно для обеспечения прироста населения и сохранения стационарного уровня материального достатка... Действительная производительность народного хозяйства Франции с 1894 г. (приблизительно) не растет, а падает» ([10], с. 38—39). Но подобные явления отмечались далеко не во всех развитых странах мира: «В противоположность старым странам Западной Европы в Соединенных Штатах Северной Америки мы находим определенный и быстрый рост народного дохода на душу... В Европейской России за 13 лет (1900—1913 гг.) народный доход на душу населения возрос на 17.1%» ([10], с. 40, 42). Здесь же приводятся сведения о величине народного дохода на душу населения в рублях на 1900 и 1913 гг. Цифры эти весьма интересны, поскольку они существенно противоречат широко распространенному в последнее десятилетие заблуждению, что экономическое отставание нашей страны от Западной Европы и Северной Америки началось в советский период нашей истории, а до революции уровень развития не слишком различался. Таблица, в которой приводятся эти сведения, представляется настолько любопытной, что есть смысл привести ее целиком.

Народный доход на душу населения в год, в руб.*

Год	Великобритания	Франция	Германия	США	Европейская Россия
1900	189.1	161.0	104.1	420.5	67.2
1913	303.7	225.4	204.3	511.1	78.7

Примечание. * Источник: ([10], с. 42).

Многие утверждения С. Н. Прокоповича кажутся вполне современными, невзирая на то, что со времени выхода рассматриваемых трудов прошло примерно восемьдесят лет. Так, причину остановки роста народного дохода в главных странах Европы в начале XX в. он видит в чрезмерном развитии обрабатывающей промышленности, не соответствующей производству и снабжению их продуктами сельского хозяйства, и далее утверждает: «Но дело не только в недостатке сельских продуктов. Современная эпоха страдает от недостатка всякого сырья, не только растительного, но и минерального» ([10], с. 59). Эти выводы русского ученого-эмигранта удивительно созвучны идеям об исчерпаемости ресурсов Земли, широко распространяющимся начиная с конца 60-х—начала 70-х годов. Столь же актуальным остается и другое утверждение Прокоповича: «Развитие естествознания и технических знаний не обеспечивает цивилизованным народам непрерывного экономического роста» ([10], с. 59).

Однако эмигрантская наука исследовала не только мировую экономику, но и российскую, пытаясь выявить экономические предпосылки революции и перспективы развития Советской России. Так, книга Н. Н. Зворыкина «К возрождению России», вышедшая в Париже в 1929 г. [4] в значительной своей части была посвящена анализу положения крестьянства в дореволюционной России. Сведения, приводимые в этом труде, весьма любопытны, в том числе и с экономико-географической

точки зрения. Анализируя особенности экономической деятельности крестьянства в Европейской России, Н. Н. Зворыкин утверждает следующее: «Из 50 губерний... только в 10 от земли получалось продуктов более нормального потребления, необходимого для сельского населения, в 40 же губерниях получался недостаток, колеблющийся от 1 (Воронежская губерния) до 74% (Архангельская губерния)» ([4], с. 42). Исходя из этих данных, можно утверждать, что только для 10 губерний дореволюционной Европейской России сельское хозяйство было отраслью специализации, а соответственно имело в основном товарный характер. Большой интерес представляют также приводимые Н. Н. Зворыкиным сведения о различиях в расходах крестьянской семьи по губерниям Европейской России: «Бюджет общих расходов крестьянской семьи... колеблется между 163 рублями (Тверская губерния) и 513 рублями (Воронежская губерния)» ([4], с. 42). Можно предположить, что расходы крестьянской семьи определялись ее доходами, и на этой основе сделать выводы о чрезвычайно высоком уровне региональной контрастности доходов населения в дореволюционной России. Это положение сейчас приобретает особое значение, поскольку «общим местом» многих региональных исследований является утверждение о нарастании региональной контрастности в современных условиях, причем создается впечатление, что на более ранних этапах развития региональные контрасты для нашей страны вообще были не характерны. Это не совсем так — и в дореволюционной России (как свидетельствует вышеприведенный пример), и в Советском Союзе разрыв между регионами по уровню социально-экономического развития и доходам населения был весьма значителен.

Но идея всеобщего равенства, в том числе и экономического, по которому пошла Советская Россия в 20-е годы, в эмигрантской науке явно не приветствовалась. Уже в 1923 г. в Берлине выходит книга С. Н. Прокоповича «Очерки хозяйства Советской России» [11], в которой чрезвычайно подробно рассматриваются особенности экономики России первых советских лет. Последствия национализации оцениваются следующим образом: «Капиталистическая анархия была заменена анархией пролетарской» ([11], с. 15). Осуждение у него вызывает уравнительная система оплаты труда в промышленности, утвердившаяся в Советской России: «В капиталистической Европе труд высококвалифицированного рабочего оплачивается приблизительно в 8—10 раз выше труда чернорабочего. В Советской России это отношение равно 1.15 : 1» ([11], с. 53). «Уравнительная» система распределения земли утверждается и в сельском хозяйстве: «Земли делили и в 1918, и в 1919, и в 1920 гг., а в некоторых районах делят и теперь. Так как в большинстве случаев землю делят по едокам, и редко — по работникам, то, в конце концов, она оказалась распределенной на уравнительно-потребительских началах» ([11], с. 58—59). Итог такого распределения был весьма печален: «Натурально-хозяйственная стихия в лице наиболее отсталых в экономическом отношении слоев крестьянства стала хозяином положения» ([11], с. 73). С сожалением следует отметить, что «уравниловка» в духе начала 20-х годов значительной частью населения и сейчас полагается идеалом общественного устройства. Но все ужасы коллективизации и невероятное напряжение индустриализации можно полагать одними из последствий торжества уравнительной системы. «Наиболее отсталые в экономическом отношении слои крестьянства» привыкли производить продукцию только для собственного потребления и «товарных излишков» у них попросту не было. Поэтому пустить продукцию сельского хозяйства в экономический оборот можно было единственным путем — отобрав ее у производителя.

Любопытно, что именно к таким выводам в русской эмиграции пришли уже к 1926 г. В статье, характеризующей особенности развития хозяйства Советской России в условиях НЭПа [12], С. Н. Прокопович утверждает, что «В области розничных цен идет сейчас борьба между крестьянством и советской властью за произведенные в крестьянском хозяйстве ценности. Власть хочет их экспроприировать. Крестьянин их не дает и прибегает для этого к бойкоту советской торговли — не продает хлеба, не покупает мануфактуры и железа» ([12], с. 79). Более того, уже к 1926 г. становится очевидным, что возможности НЭПа исчерпаны: «НЭП не только перестал содейст-

воват развитию промышленности и росту ее преобладания, но даже начал ему мешать» ([12], с. 72). Можно предположить, что это было не менее очевидно для большевистского правительства. И во второй половине 20-х годов власть переходит к прямой экспроприации продукции сельского хозяйства, фактически отбирая землю у крестьян (коллективизация).

Коллективизация и индустриализация в СССР конце 20-х—начала 30-х годов вызывали большой интерес в среде русской эмиграции. В изданной на русском языке в Риге книге Л. Бауэра «Завтра война» (год издания не указан, но по содержанию книги предположительно — 1929 или 1930 г.) [1] трансформация советского общества характеризуется так: «Рядом с нами предпринимается исключительная по своей смелости попытка переформировать целый ряд народов (свыше полутора миллиона человек)... Переформировать их самих, их питание, одежду, жилища, их воспитание и мышление, их чувства и труд и даже их землю. Скот должен пастись там, где он никогда не пасся, пшеница произрастать там, где она никогда не произрастала. В степях вырастают города, в пустынных местностях — колоссальные плотины, угольные копи, огромные заводы... Советская Россия путем голода идет к величию. Голод неоспорим, чего про достижение цели пока нельзя сказать» ([1], с. 108).

В научной литературе русского зарубежья 20-х годов есть и труды, посвященные собственно региональным проблемам. Так, например, в 1921 г. в Берлине вышла книга Л. Дюшена «Республики Прибалтики» [2]. Интересны данные по этническому составу населения вновь возникших государств: так, по утверждению Б. Дюшена, «Эстония представляет собой одну из самых однородных стран: 89% населения составляют эсты, 5,1% русские, 3,9% немцы...» ([2], с. 9), причем, насколько можно судить по тексту книги (с. 23), к числу русских в это время относили и сету. Но «Руссофобии со стороны эстонской государственности не наблюдается» ([2], с. 23). Интересна также и характеристика экономической составляющей развития Эстонии: «Значительные таможенные доходы... окулавшие почти половину доходов на содержание страны, возможны только при условии широкого потока товаров в Россию и из России». И далее: «Эстония настолько экономически тесно связана с Россией, что вопрос о будущей федерации этих государств не вызывает никаких сомнений...» ([2], с. 30). В Латвии латыши составляли 70% населения, русские 10, немцы 7, евреи 6. Но «оставаясь одна, Латвия будет героически работать на истощение народных сил, ведущее к неизбежному вырождению культуры» ([2], с. 30). В Литве литовцы составляли около 70% населения, евреи 12, поляки 8, русские 6 и немцы 4%. «Столица Литвы — Вильна, но в ней литовцы составляют только 1,2% населения. Подавляющее большинство населения — поляки (53,6%) и евреи (41%)» ([2], с. 59). При этом «В экономическом отношении Литва представляет собой явление совершенно исключительное. Вследствие отсутствия промышленности Литва... даже не печатает бумажных денег. ...Литва имеет все основания стать крестьянским государством, республикой землеробов — производителей» ([2], с. 60).

Но исследователей-эмигрантов интересовали не только западные, но и восточные окраины бывшей Российской империи. В качестве примера можно привести книгу Н. Головина и А. Бубнова «Тихоокеанская проблема в XX столетии», вышедшую в Праге в 1924 г. [2], в которой рассматриваются тенденции и перспективы экономического и политического развития Дальнего Востока. Главной проблемой русского Дальнего Востока была малая численность населения. К востоку от Байкала проживает всего около 3,5 миллионов человек ([2], с. 3). Но основным направлением экономического развития Дальнего Востока должно стать его взаимодействие с зарубежными странами, поскольку «восточно-азиатские окраины слишком удалены от центров русской промышленности, применять же там систему протекционизма русское правительство не сможет, так как это настолько удорожило бы стоимость жизни, что экономически убило бы развитие края» ([2], с. 3). Главным экономическим партнером России на Дальнем Востоке должна быть Япония: «Разработка железа и угля может быть широко поставлена только для удовлетворения потребностей японской промышленности» ([2], с. 241). Но при этом не следует односторонне ориенти-

роваться на Японию, а тесно взаимодействовать с противостоящими ей на Тихом океане Соединенными Штатами. «Сеперо-Американские Соединенные Штаты могут победить Японию только с помощью сильной России» ([2], с. 250). Многие из этих выводов и рекомендаций в современных условиях являются не менее актуальными, чем в 1924 г. И сейчас одна из главных проблем российского Дальнего Востока — низкая и все более сокращающаяся численность населения; основными потребителями его природных ресурсов являются страны Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе Япония и США, но каждая из этих стран преследует свои собственные интересы. Оптимальным для России представляется маневрирование между ведущими тихоокеанскими государствами с тем, чтобы по крайней мере попытаться защитить свои интересы в этом регионе. Будем надеяться, что ситуация изменится, и те страны, которые ныне относятся к ведущим, сами станут искать расположения России. Во всяком случае, в 1924 г., когда наша страна находилась в не менее сложном положении, чем сейчас, был дан такой прогноз ее развития: «Через 10 лет обстановка на русском фронте может радикально измениться, так как восстановление экономического благосостояния России в будущем может пойти гораздо быстрее, чем это принято сейчас думать» ([2], с. 250).

Список литературы

- [1] Бауэр Л. Завтра война. Рига: Граматы другс, б/г. 216 с.
- [2] Головин П., Бубнов А. Тихоокеанская проблема в XX столетии. Прага: Пламя, 1924. 292 с.
- [3] Дюшен Л. Республики Прибалтики. Берлин: Русское универсальное издательство, 1921. 62 с.
- [4] Зворыкин Н. П. К возрождению России. Париж, 1929. 280 с.
- [5] Каменев В. Б. Речь на собрании ответственных работников Московской организации // Международное и внутреннее положение СССР. М.: ЦК и МК РКП, 1924. 114 с.
- [6] Ландау Г. Сумерки Европы. Берлин: Слово, 1923. 374 с.
- [7] Львов Я. Советская власть в борьбе за русскую государственность. Берлин, 1922. 32 с.
- [8] Неманов Д. Внешняя политика Советской власти // Русский экономический сборник, в. VIII. Прага, 1926. С. 28—52.
- [9] Неманов Д. От Раппало до Берлинского договора // Русский экономический сборник, в. VI. Прага, 1926. С. 69—105.
- [10] Прокопович С. О росте народного дохода // Русский экономический сборник, в. I. Прага: Пламя, 1925. С. 34—61.
- [11] Прокопович С. Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин: Обелиск, 1923. 216 с.
- [12] Прокопович С. Что дал России НЭП // Русский экономический сборник, в. V. Прага, 1926. С. 47—86.

Санкт-Петербург

Поступило в редакцию
27 апреля 2004 г.